

УДК 2 (23) 23/28

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА, КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ И ВОПЛОЩЕННАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА ДЖОНА САНДЕРСА

магистр религиоведения, Картаев В. В.

Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова,
Киев, Украина

Исследование посвящено влиянию когнитивной лингвистики на герменевтику Джона Сандерса. Как ведущий богослов открытого теизма, Сандерс приходит к своим богословским выводам благодаря специфическому герменевтическому подходу. Прежде, чем оценивать эти богословские выводы, следует провести анализ герменевтического ключа, который используется Сандерсом для толкования Библии.

В статье исследуется как воплощение влияет на человеческие когнитивные возможности, а также на человеческую способность рассуждать о религиозном. Кроме того, рассматривается такое понятие, как концептуальная метафора. Библия полна образной речи. Какую функцию выполняет метафора в библейском тексте и что она может сообщить о Боге.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, герменевтика, открытый теизм, воплощение, концептуальная метафора.

Магістр релігієзнавства, Картаєв В. В. Когнітивна лінгвістика, концептуальні метафори і втілена герменевтика Джона Сандерса / Національний педагогічний університет ім. М. П. Драгоманова, Київ, Україна.

Дослідження присвячене впливу когнітивної лінгвістики на герменевтику Джона Сандерса. Як провідний богослов відкритого

теїзму, Сандерс приходять до своїх богословських висновків завдяки специфічному герменевтичному підходу. Перш, ніж оцінювати ці богословські висновки, слід провести аналіз герменевтичного ключа, який використовується Сандерсом для тлумачення Біблії.

У статті досліджується як втілення впливає на людські когнітивні можливості, а також на людську здатність міркувати про релігійне. Крім того, розглядається таке поняття, як концептуальна метафора. Біблія сповнена образної мови. Яку функцію виконує метафора в біблійному тексті і що вона може повідомити про Бога.

Ключові слова: когнітивна лінгвістика, герменевтика, відкритий теїзм, втілення, концептуальна метафора.

V. V. Kartaiev, Master of Religious Studies. Cognitive linguistics, conceptual metaphors and embodied hermeneutics of John Sanders / National Pedagogical University named after M. P. Drahomanova, Kiev, Ukraine.

This study focuses on the impact cognitive linguistics has on the hermeneutics of John Sanders. As a leading theologian of open theism, Sanders arrives at his theological conclusion through a specific hermeneutic approach. Before evaluating these theological conclusions, an analysis of the hermeneutical key, which Sanders uses to interpret the Bible, should be made.

The article explores how incarnation affects human cognitive capabilities, as well as the human ability to reason about religious things. In addition, such a concept as a conceptual metaphor is considered. The Bible is full of figurative speech. What function does the metaphor have in the biblical text and what can it say about God.

Keywords: cognitive linguistics, hermeneutics, open theism, embodiment, conceptual metaphor

Вступление: Когнитивная лингвистика (КЛ) берет свое начало в 70-х годах прошлого века. Основателями этого направления лингвистики считаются Джордж Лакофф и Рональд Лангакер. КЛ – это определенный подход к изучению того, как человек конструирует смысл. КЛ интегрирует то, что известно о человеческом разуме с тем, как люди используют язык. Другими словами, КЛ описывает, как язык взаимодействует с познанием, как язык формирует наши мысли. Согласно когнитивным лингвистам, слова не являются носителем смысла. Слова провоцируют процесс конструирования смысла в человеческом уме. Как говорит Джон Сандерс, «...язык – это верхушка огромного когнитивного айсберга. Так же как большая часть айсберга остается невидимой под водой, так и большая часть ментальных операций, которые конструируют смысл, остаются нами незамеченными. Эти операции глубоко скрыты за видимыми словами и грамматикой. Когнитивная лингвистика пытается выявить и понять эти, по большей части, невидимые процессы» [9, 5].

В этом изучении мы сосредоточимся на влиянии КЛ на герменевтику открытого теиста Джона Сандерса. Целью и задачей данного изучения является анализ того, какую роль, по мнению Джона Сандерса, воплощение, а также концептуальные метафоры играют в рассуждении о религиозном.

Изложение основного материала: Джон Сандерс – один из ведущих богословов открытого теизма. Открытый теизм (ОТ) – это модель провидения Божьего. Во-первых, ОТ – это теизм. Бог, согласно пропонентов ОТ – это окончательная реальность, которой объясняется все сущее. Бог – максимально совершенное существо,

обладающее всеми атрибутами такого существа – самосуществованием, свободой, всемогуществом, всезнанием и т.д. ОТ – это теизм открытый. Открытость касается, прежде всего будущего. Будущее представляется как состоящее из подлинных возможностей. Поскольку Бог наделил некоторых существ значимой свободной волей, не существует одного единственного развития событий, не существует одного, уникального и необходимого будущего. Будущее не вполне предопределено Божьим предвечным решением (провиденциальная открытость), оно также не вполне обусловлено детерминистическими факторами (каузальная открытость). Поскольку будущее каузально и провиденциально открыто, Божье знание, по мнению сторонников ОТ, должно соответствовать этой реальности – Божье знание будущего также открыто. Бог не знает о том, что произойдет в точности, так как такое знание предполагало бы одно уникальное будущее. Он знает совершенно обо всех возможных вариантах развития будущего, а также о вероятности каждого из вариантов. Это знание позволяет Ему провиденциально управлять тварным миром, историческим процессом и достигать своих целей.

К идеям открытого теизма возможно прийти на основании либо философских аргументов, либо аргументов библейских¹. В этом исследовании нас интересует второе. Как такие богословы, как Джон Сандерс, приходят к выводам ОТ на основании библейского материала? Очевидно, что классическая богословская мысль противоречит идеям ОТ. Ответ лежит в различных герменевтических подходах. Другими словами, классические теисты и теисты открытые по-разному толкуют Библию. Особенно это касается так называемых антропоморфизмов – описаний Бога, как обладающего

¹ Хотя идеи открытого теизма существуют и в других религиях, в этом изучении мы говорим о христианстве.

человеческими качествами. В Библии Бог принимает решения, изменяет свои решения на основании влияния извне, кается, сожалеет о своих решениях, гневается, сострадает, надеется на определенный исход событий и печалится, когда происходит иначе. Как относиться к подобным отрывкам? Каким образом их толковать? Обычно дискуссия между классическими и открытыми теистами касается того, где пролегает граница между текстами, которые следует понимать буквально и текстами, которые следует воспринимать как образную речь, как некое снисхождение к человеческой ограниченности. Однако Джон Сандерс предлагает другой подход. Свой подход Сандерс основывает на исследованиях в области когнитивной лингвистики и особенно на исследованиях концептуальных метафор.

Для когнитивной лингвистики важна идея воплощения. Воплощение касается того факта, что человек живет в теле. Особенности нашего тела – нейроанатомические, сенсорно-моторные особенности – обуславливают наши когнитивные способности. «Согласно когнитивным лингвистам, человеческое воплощение «мотивирует» и ограничивает то, что мы можем постичь...» [9, 20]. В этом смысле человеческое познание всегда происходит с человеческой точки зрения. Другими словами, человек может познавать только «по-человечески» и никак иначе. Мы не можем понять, что значит "познание" для летучей мыши, которая исследует мир с помощью эхолокации и, наравне с удавами, питонами и гремучими змеями, – являются единственными известными позвоночными, способными воспринимать инфракрасное излучение. Мы не живем в ее теле. Человек способен воспринимать и осмысливать только с помощью тех когнитивных инструментов,

которые доступны ему, как человеку, и которые, в свою очередь, определяются тем, в каких телах мы живем.

В этом контексте важно отметить, как Сандерс и когнитивные лингвисты понимают идею объективной истины. Объективная истина – это истина, которая отражает реальность как она есть, независимо от сознания познающего. Это обычное определение объективной истины. Если говорить о религиозном определении, то объективная истина – это истина с Божьей точки зрения. Многие богословы считают познание такой истины целью богословия. Богослов должен пытаться думать так, как думает Бог – думать мыслями Божьими, ему следует стремиться смотреть на реальность Божьими глазами, даже если это до конца и невозможно при настоящем положении вещей. Когнитивные лингвисты ставят под сомнение принципиальную возможность такого познания. Джордж Лакофф: «...не может быть объективно правильного описания действительности с точки зрения Божественного видения. Это, конечно, не означает, что объективная действительность не существует. Это означает только, что у нас нет привилегированного доступа к ней с внешней по отношению к ней точки зрения» [4, 338]. Другими словами, когнитивные лингвисты пытаются найти компромисс между объективизмом и радикальным релятивизмом (субъективизмом). С одной стороны, человек не имеет «привилегированного доступа» к объективной истине, потому что человеческое познание по своей сути воплощенное и перспективное. С другой стороны, человеческое познание не является также полностью субъективным, потому что люди обладают одинаковыми телами, которые функционируют в одних и тех же условиях. При нормальном функционировании тел, люди воспринимают мир одинаково: для всех нас трава – зеленая, мед – сладкий, камень – твердый и т.д. Объективная истина, то есть истина,

соответствующая объективной реальности, существует, однако для нас эта истина всегда будет в соответствии с нашим воплощением – нашими сенсорными и когнитивными способностями. Поэтому Сандерс говорит, что «люди обладают объективной истиной о некоторых вещах, если под словом «объективная» мы подразумеваем то, как мы воспринимаем реальность согласно нашим специфическим и нормально оперирующим когнитивным способностям» [9, 96–97].

Эти рассуждения приводят к важным выводам о том, каким образом Бог общается с человеком. Сотворив нас телесными, Бог ограничивает свою способность коммуницировать с нами нашей телесностью. Божье общение с человеком необходимо воплощенное. Если Бог желает что-то нам сообщить, Ему придется говорить с нами на нашем языке. Сандерс: «Для общения с людьми, Богу придется использовать обычные для телесного человека перцепционные и когнитивные структуры... Бог может открыть для нас истину, но общаясь с людьми, Бог будет использовать человеческие концепции, которые сформированы нашим воплощением и разнообразными культурами» [9, 99]. Даже если говорить о мистическом опыте, который предполагает познание, превосходящее все человеческие ограничения, то и такой опыт не может вырвать нас из нашей человечности. Если мы и получим знание, минуя нашу человечность, все равно, впоследствии мы начнем обдумывать это знание с человеческой точки зрения. Для того, чтобы познавать иначе, чем человек, необходимо перестать быть человеком и стать кем-то другим. В этом смысле вся Библия – это антропоморфизм. Бог открывается через человеческий язык, через человеческие культуры, Он использует человеческие концепции и категории. Это признают все, но в отличие от других, Сандерс считает, что другое познание

человеку не доступно. Антропоморфизм в этом смысле – это все, что у нас есть для познания Бога. Вот почему Сандерс не разделяет тексты на буквальные и метафорические. Такой подход он считает непродуктивным. Вопрос «буквальности» – это вопрос философский. Дискуссия должна касаться не того, где пролегает граница между буквальными текстами и антропоморфическими, а о природе таких понятий, как метафора, смысл и истина. Сандерс мыслит в унисон с Адрио Кёнигом, который, в свою очередь, делает реформатского богослова Германа Бавинка своим союзником. Кёниг пишет: «Бавинк был одним из первых, кто увидел, насколько недопустимым является различие между антропоморфными выражениями (которые не должны интерпретироваться согласно их очевидному значению) и буквальными или прямыми высказываниями (например, о сострадании или любви Бога). Поскольку откровение Бога было направлено на людей, и, следовательно, должно было быть ими понято, Бавинк приходит к выводу, что мы не просто встречаемся то здесь, то там с антропоморфизмами в Библии, но что все Писание антропоморфно, потому что все откровение сосредоточено на Слово (Иисуса Христа), и это как бы единый процесс воплощения, когда Бог становится человеком» [7, 71]. Другими словами, откровение приходит к нам в человеческом теле, оно не может не быть воплощенным.

Как уже было сказано выше, спор между открытыми теистами и классическими богословами часто сводится к вопросу о том, где пролегает граница между текстами буквальными и метафорическими. Многие классические богословы настаивают, что следует избегать метафор, рассуждая о Боге. В Библии следует искать «прямые», «ясные», «сильные», то есть буквальные утверждения о Боге. Хотя Библия и использует в изобилии метафорический язык в отношении

Бога, если мы хотим добраться до истины, которая сообщается тем или иным метафорическим текстом, этот язык следует «переводить» на язык буквальный. Буквальный язык прямо сообщает истину, а значит для рассуждений о религиозном буквальный язык лучше, чем метафорический. Язык, согласно этой позиции, может служить двум целям: когнитивной и эмоциональной. Метафора, конечно же, воспринимается как нечто, служащее эмоциональной цели языка. Метафора – это всего лишь фигура речи, риторический прием, который служит для украшения речи, но не является необходимостью. Смысл с легкостью можно передать, не используя метафоры. Сам факт существования метафор говорит о том, что существует буквальный смысл. Поэтому метафора, по мнению многих – это что-то вроде лингвистического паразита, она не вносит ясность, но только запутывает. Джон Локк, например, считал, что «образная речь есть ...злоупотребление языком», и что «образные выражения и игра слов являются несовершенством языка». Следует предпочитать «сухую истину», потому что именно такая истина несет «действительное познание». Слова должны использоваться для того, чтобы «вносить порядок и ясность». Что же касается образной речи, то «образное употребление слов ... имеет в виду лишь внушать ложные идеи, возбуждать страсти и тем самым вводить в заблуждение рассудок и, следовательно, на деле есть чистый обман». Образная речь, согласно Локку, является всего лишь инструментом ораторского искусства. Ее, «несомненно, нужно совершенно избегать во всех рассуждениях, имеющих в виду научать или просвещать, и нельзя не считать огромным недостатком языка или лица, употребляющего его там, где речь идет об истине и познании» [6, 566–67]. Конечно же, можно согласиться с Локком в том, что ораторское искусство, умелое жонглирование образной

речью часто является инструментом обмана и манипуляций. Однако кажется, что за таким радикализмом Локка – стремлением максимально ограничить использование образной речи в контексте познания и просвещения – скрывается непонимание природы образной речи, в общем и метафор, в частности.

Сандерс вслед за когнитивными лингвистами указывает на то, что метафоры используются человеком не только для того, чтобы говорить, но прежде всего для того, чтобы думать. Отсюда термин «концептуальная метафора». Концептуальные метафоры используются человеком для того, чтобы размышлять о себе, своей жизни, об окружающем его мире. Метафора является одной из основных ментальных операций, это способ познания, структурирования и объяснения реальности. Метафоры являются концептуальными прежде, чем они получают выражение в языке. Их «можно рассматривать как речевые гештальты, отражающие особенности когнитивных процессов» [1]. Таким образом, метафоры – это не излишество, но необходимый когнитивный инструмент. Наша жизнь наполнена метафорами (заметьте, эта фраза также является метафорой, потому что жизнь здесь представляется как некий контейнер, который наполняется). Настолько использование метафор широко и повсеместно, что мы часто не замечаем их, воспринимая как буквальную речь. Локк, протестуя против образной речи, сам того не замечая использует метафору «сухая истина». Конечно же истина не может быть сухой в буквальном смысле этого слова. «Сухая истина», в данном случае – это скорее всего образ экстракта. Из лекарственного растения жидкость удаляется настолько, что остается только сухой остаток – самое важное и полезное. Локк считает, что слова должны вносить «ясность»². В данном случае им

² «clearness»

используется метафора «понимание, как видение». Когда небо не покрыто облаками (ясное небо), мы видим звезды, когда нет тумана, мы четко видим дальние предметы. Когда мы говорим о вещах буквально, туман образной речи рассеивается, становится ясно, и тогда мы видим, то есть понимаем. Призывая «совершенно избегать» использования образной речи, Локк сам «грешит» использованием метафор. Как сказал герой одного литературного произведения: «...выражайтесь яснее. От мистики и метафор меня тошнит». Ирония в том, что фраза «меня тошнит» в данном контексте – это также метафора. Мы говорим: «теплые отношения» или «близкие отношения», и это, конечно же, является метафорой, потому что отношения не обладают свойствами температуры или расстояния на самом деле. Мало того, что эти фразы являются метафорами, такие метафоры являются прямым следствием нашей телесности. Теплота воспринимается нами благодаря нервным окончаниям, присущим нашему телу. Мы связываем хорошие отношения с теплотой потому, что переживали теплоту в утробе матери, потом под грудью матери. Нам было тепло и комфортно. Вот почему это телесное ощущение комфортной теплоты используется нами для описания хороших отношений. «Идти вперед к цели» или «достигать цели» – метафора пути, где цель воспринимается как место назначения. И это также является воплощенной метафорой. Мы идем, потому что у нас есть ноги, и это наш способ передвижения. Мы идем вперед, потому что у нас есть перед, есть лицо, и мы передвигаемся лицом вперед. Другие существа, у которых нет ног или лица (медузы, например) или которые передвигаются не вперед (крабы, например), использовали бы другие метафоры (если представить, что они могут думать о достижении цели). Они плыли бы к цели или шли бы к цели боком. «Мы идем вместе по жизни», или «наши пути разошлись» – часто

такие выражения воспринимаются нами как буквальные, хотя в действительности это метафоры, которые представляют отношения как совместный путь. Метафоры всегда связаны с человеческим опытом. Информационная война, война с коррупцией, предвыборная стратегия, тактическое отступление, народный фронт, взять реванш на выборах, армия консультантов, предвыборный штаб – милитарные метафоры. Посеять смуту, зреет решение, цены растут, прививать ценности, корни кризиса, ветви власти, пожинать плоды недалёковидности, зерна сомнения, процветание экономики – фитоморфные метафоры. Городской организм, утечка мозгов, встать лицом к проблемам жилья, за спиной у мужа, переварить финансовый поток, несъедобная информация, духовный голод – физиологические метафоры [2]. Этот список можно продолжать бесконечно. Человек не просто не может говорить без метафор, он не может думать без метафор. Нам нужна метафора, чтобы рассуждать и говорить о времени, причинности, состояниях и других абстрактных понятиях. «Метафора проникает в повседневную жизнь, причем не только в язык, но и в мышление и действие. Наша обыденная понятийная система, на языке которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [5, 25]. Сказанное выше опровергает идею о том, что все истинные концепции – это буквальные концепции, и что любую метафору можно и следует «переводить» на язык буквальный. Во-первых, человеческий мозг предпочтет скорее те выражения, которые для него более понятные, чем те, которые более буквальные. Во-вторых, чтобы понять метафорические выражения, мозг не «переводит» их в буквальные. Более того, концептуальные метафоры часто воспринимаются мозгом быстрее, чем буквальные выражения. В-третьих, метафоры часто имеют такие оттенки смысла, которых просто нет в их

буквальных аналогах [9, 65–66]. Фраза «я без ума от тебя» – это не то же, что фраза «я очень в тебя влюблен». В первом случае используется метафора душевной болезни, из-за которой человек перестает себя контролировать. Сообщается, что человек полностью подвластен чувствам влюбленности, он ничего не может с собой поделаться. Буквальная фраза «я очень в тебя влюблен» лишена этих смысловых полутонов. Фраза «меня тошнит от тебя» – это не то же, что фраза «ты мне отвратителен». Это физиологическая метафора, которая призвана воссоздать физическое ощущение тошноты в связи с человеком, который крайне неприятен. Переводить метафору на буквальный язык – это не только обеднять язык, но также терять целые пласты смысла.

Что в этом контексте можно сказать о понятийной системе, связанной с рассуждениями о Боге? Очевидно, что метафора проникла не только в нашу повседневную жизнь, но и в жизнь религиозную. «Не существует такой концептуальной структуры, которая специфически была бы предназначена для рассуждений о религиозных вопросах» [9, 5], – утверждает Сандерс, и «нет доказательств, что наш мозг усваивает информацию как-то иначе, когда предметом рассуждения является Бог, чем когда мы рассуждаем об обычных предметах – о зебрах или любви» [9, 245]. Когда мы рассуждаем о религиозном (о таких вопросах, как Бог или спасение), мы используем тот же когнитивный аппарат, что и для рассуждений об обыденных вещах. Мы не только не способны говорить о Боге без метафор, мы не способны думать о Нем без метафор. Именно такую роль играют метафоры в Библии – они помогают нам думать о Боге. Многие образы Бога в Писании являются не просто поэтическими выражениями, но концептуальными метафорами, которые позволяют придать смысл

человеческому восприятию Бога с точки зрения нашего телесного опыта, конкретных событий или физических объектов. Библейские авторы брали переживание физической реальности и с помощью этого опыта описывали свое понимание Бога. Таким образом, концептуальные метафоры – это необходимый инструмент для передачи воплощенного по своей сути откровения. «Библейские авторы использовали те же когнитивные процессы, которые доступны и для нас» [9, 203]. И, по мнению Сандерса, ни библейские авторы, ни мы иначе не можем. Даже пророк Исаия, который, наверное, больше всех библейских авторов подчёркивал несравненность Бога и Его трансцендентность, использовал метафоры для описания Бога. Вот что пишет об этом Сандерс: «Еврейский пророк Исаия упрекал своих современников за то, что те творили каменных и деревянных идолов Богу: «кому уподобите вы Бога? И какое подобие найдете Ему?» (40:18). Многие интерпретируют это утверждение как означающее, что любое сравнение Бога с творением является незаконным. Однако это вряд ли то, что имел в виду Исаия, потому что в этой главе Бог неоднократно описывается с помощью человеческих терминов». И действительно, снова и снова Исаия использует человеческие понятия для описания Бога. Бог описывается как владыка, царь, хозяин, воин, отец, муж, мать. Исаия, таким образом, хотя и считал Бога кем-то, кто отличается от человека, понимал, что говорить о Нем можно только по-человечески. Сандерс: «Кому Исаия уподобляет Бога? Человеку, конечно!» Кроме того, по мнению Сандерса, фраза «Бог отличается от всего в творении» может означать две вещи. Либо Бог полностью не похож на что-либо в творении, и тогда о Нем ничего невозможно сказать истинного. Либо Бог не полностью похож на что-либо в творении, и тогда человеческий язык возможно использовать по отношению к

Богу [8, 29]. В первом случае мы не можем ничего сказать о том, каков Бог сам в себе, без творения. Бог – это что-то вроде тефлоновой сковородки, к которой ни человеческие концепции, ни слова прилипнуть не могут. Ирония в том, что те, кто так верит, используют человеческий язык, человеческие концепции и даже метафоры, чтобы это высказать. Описывая Божью трансцендентность, они говорят, что Бог «над всем творением» или «за пределами тварного мира». Эти выражения – метафоры. «Бог вне тварного мира» представляет мир, как некий контейнер, а Бог находится вне этого контейнера. «Над творением» – это обычная для человека образ-схема «то, что выше, лучше, чем то, что ниже». «Образ-схемы характеризуют понятия схематически, отображая форму предмета, его локацию, траекторию движения и т.д» [3]. Мы достигаем пика возможностей, мы восходим по карьерной лестнице, мы на вершине славы и т.д. С другой стороны, мы опустились на дно жизни, или того хуже – пробили дно, наше настроение ниже плинтуса, нас унизили... Все эти фразы – выражение образа-схемы «то, что выше, лучше, чем то, что ниже». Говоря о религиозном, ад всегда внизу, небеса всегда вверху. Бог превышает всех небес, сатана пал с небес на землю. Наши молитвы восходят к Богу, и паломники всегда восходят в Иерусалим. Не удивительно, что инаковость Бога и Его трансцендентность, выражается с помощью такой образ-схемы. Так что похоже, что метафор не могут избежать даже те, кто утверждают абсолютную непохожесть Бога на что-либо в творении. Библейские авторы и не пытаются. Они смело используют человеческий язык по отношению к Богу. Они считали, что что-то истинное можно сказать о Нем с помощью разнообразных метафор, потому что то, каков Бог сам в себе выражено в Его действиях в тварном мире. Слово стало

плотью. Мы можем видеть Его своими очами, осязать Его своими руками. Полнота божества открылась для нас телесно.

Вывод: Воплощение человека необходимо мотивирует и ограничивает когнитивные способности человека. Для рассуждения о реальности, в том числе и реальности трансцендентной, человек использует доступные для него ментальные инструменты. Одним из таких инструментов является концептуальная метафора. В отличие от многих философов и богословов, Джон Сандерс считает, что все рассуждения о Боге в широком смысле антропоморфны, поэтому метафоры способны сообщить нам нечто истинное о Боге.

Литература:

1. Булюбаш И. Д. (2019). *Метафора Как Путь к Интеграции: Работа Через Метафору Клиента в Гештальт-Подходе*. http://gestalt-therapy.ru/biblio/theor/per_metaphor/. (2019, December, 5)
2. Грузберг Л. А. (2019) *Концептуальная Метафора*. http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_5_101#b6. (2019, November, 12)
3. Денисова В. (2019). *Образ-Схема*. <http://scodis.ru/студентам/глоссарий/образ-схема/>. (2019, December 19)
4. Лакофф Д. (2004). *Женщины, Огонь и Опасные Вещи. Что Категории Языка Говорят Нам о Мышлении*. Москва: Языки славянской культуры.
5. Лакофф Д., Джонсон М. (2004). *Метафоры, Которыми Мы Живем*. Москва., Едиториал УРСС.
6. Локк Д. *Джон Локк. (1985). Сочинения в Трех Томах. Vol. 1.* Москва: Мысль.
7. König A. (2011). *Here Am I!: A Christian Reflection on God*. Eugene:

Wipf & Stock Pub.

8. Sanders J. (2007). *The God Who Risks: A Theology of Divine Providence*. InterVarsity Press.
9. Sanders J. (2016). *Theology in the Flesh: How Embodiment and Culture Shape the Way We Think about Truth, Morality, and God*. Minneapolis: Fortress Press.

References:

1. Bulyubash, I. D. (2019). *Metafora Kak Put' k Integracii: Rabota Cherez Metaforu Klienta v Geshtal't-Podhode. [A Metaphor as a Way to Integration: Work through a Client Metaphor in a Gestalt Approach.]*. http://gestalt-therapy.ru/biblio/theor/per_metaphor/. (2019, December, 5) [in Russian]
2. Gruzberg, L. A. (2019). *Konceptual'naja Metafora. [Conceptual Metaphor.]*. http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_5_101#b6. (2019, November, 12). [in Russian]
3. Denisova, V. (2019). *Obraz-Shema [Image-Scheme]*. <http://scodis.ru/students/Glossary/image-scheme/>. (2019, December 19) [in Russian]
4. Lakoff, G. (2004). *Zhenshhiny, Ogon' i Opasnye Veshhi. Chto Kategorii Jazyka Govorjat Nam o Myshlenii. [Women, Fire and Dangerous Things. What Language Categories Tell Us About Thinking]*. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury. [in Russian]
5. Lakoff, G., & Johnson, M. (2004). *Metafory, Kotorymi My Zhivem. [The metaphors that we live by]* Moscow, Editorial URSS. [in Russian]
6. Locke, J. Dzhon Lokk. (1985) *Sochinenija v Treh Tomah. [John Locke Works in Three Volumes.]* Vol. 1. Moscow, Mysl'. [in Russian]
7. König, A. (2011). *Here Am I!: A Christian Reflection on God*. Eugene: Wipf & Stock Pub.

8. Sanders, J. (2007). *The God Who Risks: A Theology of Divine Providence*. Inter Varsity Press.
9. Sanders, J. (2016). *Theology in the Flesh: How Embodiment and Culture Shape the Way We Think about Truth, Morality, and God*. Minneapolis. Fortress Press.